

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 11 / 2025, Vol. 5, Iss. 11 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.411.21

¹ Гаджимурадова Т.Э., ¹ Муртазалиева Б.М.

¹ Дагестанский государственный университет

**Дневниковый нарратив повести Тауфика аль-Хакима
«Записки провинциального следователя»**

Аннотация: в статье рассматриваются особенности композиции повести египетского писателя Тауфика аль-Хакима «Записки провинциального следователя». Арабская критика относит писателя к эпохе «национального Возрождения», представители которого ощущали необходимость поиска новых форм, отличающихся в то же время национальным содержанием. В повести «Записки провинциального следователя» завязкой является сообщение об убийстве, к расследованию которого приступает следователь, описывающий в дневнике в хронологической последовательности розыск преступника. Расследование одного преступления становится поводом, чтобы рассказать о крестьянах и их трудной жизни, или поговорить о коллегах автора дневника – судьях, чиновниках, следователях и др. Особое внимание в статье уделяется дневнику в историко-культурном контексте повести. Отмечаются хронологичность, датированность, диалогичность, оценочность и др. свойства дневникового нарратива. Интересными представляются наблюдения над построением событийного ряда повести, ретроспективой, портретными дескрипциями и др. В структуре повести задействованы элементы параллельного построения (взаимоотношения следователя со своим помощником, следователя и прокурора, следователя и начальника уезда, и др.). Дневник является летописью правдивых и одновременно трагических картин жизни египетского общества, подавляющей личность и породившего множеством человеческих трагедий. Оценка происходящего в общественной жизни отличается беспристрастностью и объективностью повествования.

Ключевые слова: арабская литература, египетский писатель, повесть, дневниковый нарратив, историко-культурный контекст, проблематика

Для цитирования: Гаджимурадова Т.Э., Муртазалиева Б.М. Дневниковый нарратив повести Тауфика аль-Хакима «Записки провинциального следователя» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 77 – 82.

Поступила в редакцию: 02 октября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 октября 2025 г.; Принята к публикации: 25 ноября 2025 г.

¹ Gadzhimuradova T.E., ¹ Murtazalieva B.M.

¹ Dagestan State University

The diary narrative in Tawfiq al-Hakim's novella "Diary of a Country Prosecutor"

Abstract: the article analyzes the composition of the novella by the Egyptian writer Tawfiq al-Hakim "Diary of a Country Prosecutor". Arab critics associate al-Hakim with the era of "National Renaissance," whose representatives felt the need to seek new forms distinguished by national content. In the novella, the plot begins with the announcement of a murder that the investigator, the narrator of the diary, undertakes to solve in chronological order. The investigation of one crime becomes a pretext to portray peasants and their harsh lives or to discuss the author's colleagues – judges, officials, investigators, etc. The article focuses on the diary within the historical and cultural context of the novella. The chronologicity, datability, dialogicity, and evaluative features of the diary nar-

rative are highlighted. The article also observes the structure of the events, retrospection, and portrait descriptions. The composition uses parallel structures (the investigator's relationships with his assistant, prosecutor, and district head, among others). The diary becomes a chronicle of truthful yet tragic depictions of Egyptian society, which suppresses individuality and generates numerous human tragedies. The assessment of public life events is marked by impartiality and objectivity.

Keywords: Arabic literature, Egyptian writer, novella, diary narrative, historical and cultural context, issues

For citation: Gadzhimuradova T.E., Murtazalieva B.M. The diary narrative in Tawfiq al-Hakim's novella "Diary of a Country Prosecutor". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (11). P. 77 – 82.

The article was submitted: October 02, 2025; Approved after reviewing: October 16, 2025; Accepted for publication: November 25, 2025.

Введение

20-30-е годы XX века для Египта были годами бурного развития литературы реалистического направления, которое шло вместе с ростом национально-освободительного движения. К египетским реалистам относится Тауфик аль-Хаким. Его путь в литературе «полон творческих исканий, убедительных побед и горьких поражений, писатель отдал дань идеалистическим и символистическим тенденциям, однако это не помешало ему создать целый ряд исключительных по своей силе реалистических произведений» [9, с. 6], среди которых особое место занимает повесть «Записки провинциального следователя». В описаниях дневника оживает время, эпоха. Этим определяется его большой содержательный потенциал [2, с. 30]. Можем предположить, что некоторые вехи жизненного пути писателя нашли отражение в дневниковой форме. В молодости он достаточно долгое время работал следователем в провинции. Автобиографизм является свойством нередким в творчестве Тауфика аль-Хакима. В таких произведениях писателя, как «Птичка с Востока», «Записи провинциального следователя», «Тюрьма жизни» и «Цвет жизни» отражаются разные этапы его жизни [1, с. 67].

Материалы и методы исследований

Материалом исследования является повесть египетского писателя Тауфика аль-Хакима «Записки провинциального следователя». В статье рассматриваются особенности художественного воплощения дневникового нарратива в историко-культурном контексте повести Тауфика аль-Хакима «Записки провинциального следователя». Предложенный подход к исследованию относится к малоизученным.

Методы исследования – культурно-исторический, аналитический.

Результаты и обсуждения

Обсуждение касается дневникового нарратива повести Тауфика аль-Хакима «Записки провинциального следователя». В основу повествования положены дневниковые записи провинциального следователя. Первая запись в дневнике относится к 11 октября. Все заметки датированы вплоть до 21 октября. Таким образом дневниковым записям всего 10 дней, но читателя не отпускает ощущение, что события делятся во времени гораздо дольше. Причина в богатом событийном ряде повести – многое происшествий, преступлений, «дел» на рассмотрении, размышлений самого героя, авторских отступлений и др.

По классификации М.Ю. Михеева, рассматривающего разные типы дневниковых записей, к «Запискам провинциального следователя» более всего подходит определение «записные книжки», как первичный текст, который пишется для себя [6, с. 163]. В «литературном тексте», создаваемом преднамеренно как дневник [7, с. 121], получают выражение личные ощущения, воспоминания, оценки, касающиеся в том числе деятельности, психологии определённого класса [5, с. 36] – следователей, прокуроров, задействованных в рассмотрении «дела» об убийстве Камара, а также простых крестьян – свидетелей этого и других «дел» следователя.

Структура повести отличается «кадровой разбивкой», элементы которой событийно скрепляются линией автора дневника и повествованием о расследовании убийства Камара. В свою очередь дневник содержит намёк на документальность и фактологичность материала. Событийный ряд отличается насыщенностью. А вот временная дистанция сужается до десяти дней.

Повесть начинается с эпиграфа – слов автора дневника, объясняющего причины его написания: «Почему я веду дневник? Может быть, потому, что я счастлив? Нет! Счастливую жизнь не описывают в дневниках, ею наслаждаются!» [8, с. 13]. Не рассчитывая, что кто-нибудь когда-нибудь увидит эти заметки, он всё же чувствует потребность поделиться своими мыслями, чувствами. Страницы дневника для него – «глоток свежего воздуха, единственная возможность в тяжёлый час дать волю своим чувствам...» [8, с. 13].

Ж.Х. Салханова обращает внимание на характерные признаки повествовательной структуры дневника, среди которых хронологичность, датированность, афористичность, диалогичность, оценочность [4, с. 370]. Отметим, что эти же признаки отличают «Записки...». Здесь точная датировка, хронологическая последовательность (нет перерывов в повествовании / регулярность заполнения дневника). Описываемый день имеет отношение к текущим событиям, т.е. хронотоп отличается актуальностью. Хотя в повествование регулярно внедряются описания, эпизоды, случаи из прошлого, ретроспектива.

Дневник – «диалог с самим собой» – дает автору возможность фиксировать подневно происходящее во-круг и в то же время делиться собственными наблюдениями, воспоминаниями, внутренними переживаниями и чувствами. «Информативная интенция автора дневника» выражается в записях, фиксирующих происходящее вокруг [4, с. 372].

В повести практически нет портретных дескрипций. Описания внешности краткие и лаконичные. Автор дневника обычно передает эмоциональное состояние, реакцию, испытываемую в отношении того или иного персонажа. Показательно, как он характеризует участницу следственного разбирательства – Рим, которая, по его определению, подобна зарослям бамбука или тростника. Кажется, что автор намекает на свойственный бамбуку постоянный рост, крепкое здоровье. Он же символ изящества, гибкости. Эти свойства действительно отличают прекрасную Рим. Тростник и бамбук символизируют стойкость и способность выживать в самых сложных обстоятельствах. Дальнейшее повествование подтверждает эту способность героини быть сильной и стойкой. А затем такое наблюдение: «Тонкий луч света проникает в заросли, только когда тростник колышется. Да и тогда этот световой зайчик прыгает и скользит, как маленькая неуловимая серебряная монета» [8, с. 28]. Душа – и заросли, и световой зайчик, и маленькая серебряная монетка. И свет, и тьма в душе Рим. Как видим, как такового описания внешности героини нет, но используемые автором сравнения позволяют представить этот образ ярким и запоминающимся.

В структуре повести используются элементы параллельного построения, поддерживающие содержательно-структурное диалогическое единство произведения. Параллельная конструкция задействована во взаимоотношениях следователя со своим помощником (диалог молодости со зрелостью, опытом, знаниями), следователя и прокурора, следователя и мамура (начальника уезда) и др. Документальные свидетельства не исчерпываются сухим изложением фактов. Каждое событие получает эмоциональную оценку и развернутое комментирование.

В дневнике описываются реальные случаи из следовательской практики. Значительное место занимают размышления. Разбросаны оценочные высказывания автора, в том числе в отношении самого себя.

Оценка происходящего в общественной жизни отличается беспристрастностью, объективностью и честностью. Следователи, прокуроры, другие представители власти совершенно равнодушны к судьбам тех, разбирательством дел которых они занимаются. Они не только лишены способности сочувствовать, но часто не желают утруждать себя, выслушивая жалобы просителей. Как правило, их интересует лишь собственное благополучие.

Сила художественного обобщения рисует настроение безысходности, которое должно будоражить общественное мнение, направляя его на искоренение общественных недугов.

Сложное чувство вызывает и герой произведения, автор дневника. Да, он видит проявления зла, агрессии, несправедливости. И в то же время что он хочет, к чему стремится – вопросы, которые, увы, так и остаются без ответа. Благодущие, отсутствие желания бороться, примиренческая позиция в отношении происходящего создают сложные, противоречивые чувства в его оценке. Человек хоть изредка должен рассердиться, выступить против, вступить в борьбу.

Автор дневника уже имеет за своими плечами трудом, постоянной работой приобретенный опыт познания. Он уже выработал в себе чёткое жизненное кредо и определился в своём видении мира. Но и он испытывает смущение, робость, когда жизненные обстоятельства, трагические «изгибы» в жизни людей начинают колебать уже устоявшиеся представления человека и позиции следователя.

Раздражение к концу дневникового повествования нарастает. Досада, неудовлетворённость и уныние [8] ждут его у рабочего стола, заваленного «делами».

Дневник как своеобразная хроника эпохи определил содержание правдивых и одновременно трагических картин жизни египетского общества, подавляющего личность и породившего множество человеческих трагедий. «Вопросы национального бытия народа решаются не только на магистралях истории, часто и тропинки её становятся ареной схваток не на жизнь, а на смерть...» (Каба Имадашвили). Так и в повести Тауфика аль-Хакима жизнь египетского общества изображается на «тропинках» истории. Но это ни в коей мере не умаляет заслуг автора в создании пусть и не самых масштабных событий. «Как в капле воды отра-

жается окружающий мир, так и в мелком эпизоде из судебной практики отражаются равнодушная тупость судопроизводства, несправедливые законы, всё сложное, громоздкое здание ... правосудия» [9, с. 6].

Происходящее в маленьком провинциальном городке и районе фактически отражает картину всеобщего, действительно тяжёлую и безысходную жизнь простого народа. За трагедией одного человека – бедствие национального и общечеловеческого масштаба.

Показательно, что структура дневника, привязанного к датам, хронологии событий, в то же время позволяет избежать «линейного» повествования, связанного с расследованием убийства Камара.

Помимо главного «дела» – расследования убийства Камара – каждое новое «дело» содержит фиксацию интеллектуально-душевных ситуаций (состояний). «Полнота видения» создаётся широким глубинным показом жизни провинциального городка и окружающих его деревень, демонстрируя победу над случайностью. В этом плане весьма показателен эпизод о женщине, рожавшей в хлеву. Исход родоразрешения ожидаем. Повитуха не смогла помочь. Долгие роды, антисанитария, отсутствие профессиональной помощи привели к трагической и неминуемой развязке – гибели матери и ребёнка. Следователю и приехавшему по вызову врачу остаётся одно – констатировать смерть. Факт смерти уже не является случайностью.

В повести показана рутинная, ежедневная работа следователя, отношение к которой выражается во фразе: «И чай в суде и работа в суде, всё – одна горечь» [8, с. 54].

Весьма многозначная деталь: «Протокол для начальства – всё. Для начальства этот документ свидетельствует об искусстве и исполнительности следователя. А задержание преступника – дело второстепенное, этим никто особенно не интересуется» [8, с. 21]. «Кого допросить, чтобы протокол разбух хотя бы до двадцати страниц?» [8, с. 25]. Значимость «дела» определялась его весом. Следователь заверил: «Если пожелает Аллах, в дальнейшем мы будем придерживаться требуемого веса» [8, с. 25]. Поэтому так часто «дела» остаются не раскрытыми. Главное – правильно (искусно) оформить протокол. Писатель не один раз «намекает» на характер (качество) проводимых расследований.

«Дело Камара» к концу расследования (повествования) так и остаётся не раскрытым. Впрочем, как и другие дела, прошедшие через руки умного, вдумчивого, внимательного следователя, которому обстоятельства, окружение, требования не позволили их завершить должным образом.

Дневник следователя содержит своеобразную хронику эпохи, рисует правдивые и одновременно трагические картины смутного времен, когда была подавлена человеческая личность.

Характеризует ситуацию с обездоленными эпизод, связанный с кражей кукурузного початка. Стариk не отказывается от предъявленного ему обвинения. «А кто сказал, что я не хочу сознаваться? Я и вправду пришел на поле голодный и сорвал себе початок» [8, с. 55]. «У такого бедняка, как я, один день есть работа, а десять – ничего, кроме голодного брюха» [8, с. 56]. Назначенное наказание – «подвергнуть обвиняемого предварительному заключению на четыре дня» – стариk воспринимает с благодарностью: «Ну что же, в тюрьме не так уж плохо... По крайней мере там будет верный кусок хлеба. Мир Вам!» [8, с. 56].

«Деревня – это государство в миниатюре». Нельзя не согласиться с этим утверждением автора «Записок...». И в этом смысле очень показателен эпизод в деревне, являющийся отражением кризисной ситуации и перехода власти в государстве. Не лишены иронии наблюдения автора дневника. «В деревне телефон является символом власти, могущества и близости к правительству, а перенос его из одного дома в другой означает падение старой власти» [8, с. 85]. Из дома, потерявшего власть старости выносят телефон под вопли и плач всей семьи как по покойнику. Дом, в который заносят телефон, радуется и отмечает это событие как свадьбу.

В период политического кризиса, раскола «больше всего было протоколов о бродяжничестве» [8, с. 95]. «Нежелательные лица» благодаря административным мерам перестают быть участниками политического противостояния вплоть до урегулирования ситуации раскола в правительстве страны. Даже представитель знати мог оказаться задержанным, если его позиция противоречила политике ведущей партии. Сначала «нежелательное лицо» изолировали на четыре дня, потом по приказу управления время заточения могли продлить на больший срок.

Создавая «коллективный портрет» крестьянства, писатель сумел показать глубину пропасти между простым людом и теми, кто вершит судьбами народа. «Единственная неизменная ценность в глазах писателя – народ, простые феллахи» [9, с. 9]. Писатель отмечает в характерах крестьян такие черты, как простодушие, честность, терпение. В то же время он не скрывает своей горечи, сталкиваясь с проявлениями невежества, тупой покорности или бессмысленной вражды [10, с. 8].

Показательно отношение к народу через используемые в тексте зооморфизмы. Обвиняемые, правонарушители «покорно смотрели на судью, выносившего приговоры» [8, с. 32]. «Ну прямо стадо перед своим пастухом!» [8, с. 32]; «... староста поставил корявую, словно след куриной лапы, подпись под своими пока-

заниями» [8, с. 24]; «... входную дверь, словно мухи, облепили крестьяне» [8, с. 30]; «... вот он, молодой осёл (о молодом феллахе), что пасётся в клевере!» [8, с. 47]; бедные крестьяне, лежащие в больнице «смотрели на нас, на главного врача, как обезьяны в зоологическом саду смотрят на сторожей, сопровождающих знатных посетителей» [8, с. 50]; скопище лачуг в деревнях – «стадо домов, а в чреве каждого дома копошатся несчастные феллахи, словно клубок червей...» [8, с. 52]; «... перед нами предстал пожилой крестьянин, на его груди росли седые, как у старой гиены, волосы» [8, с. 55]; «... арестованный, привязанный к своей охране цепочкой, как собака» [8, с. 74]; «... другие повсюду с разостланной циновки, словно обезьяны» [8, с. 80]; «... повивальная бабка принимает ребёнка у женщины, словно это буйволица...» [8, с. 87] и др. Судьи называют обвиняемых, бедных феллахов «животными»: «Ты, животное, обязан знать закон!» [8, с. 74]; «Убирая отсюда, некультурное животное» [8, с. 99] и др.

В романе «Возвращение духа» Тауфик аль-Хаким видит в феллахах «мудрых сердцем» детей природы, носителей вечных национальных духовных ценностей. Крестьянство в повести «Записки провинциального следователя» представляется писателю «тёмной, пассивной, загадочной массой людей, живущих по своим неписанным законам. Единство нации, воспетое писателем в "Возвращении духа", оказывается фикцией, феллахи и чиновничество разделены непреодолимой пропастью взаимного непонимания. Поэтому столь нелепы штрафы, налагаемые судьями на жителей деревни за "стирку белья в оросительном канале", "за убийство скота в неподложенном месте" и т.д., поэтому одно за другим сдаются в архив нераскрытые дела об убийствах и других серьёзных преступлениях» [3, с. 336]. Нельзя не согласиться с мнением В.Н. Кирпиченко и В.В. Сафонова о том, как «с горьким юмором он (Тауфик аль-Хаким. – Т.Г., Б.М.) констатирует бесмысленность египетской, скопированной с французской, системы судопроизводства и нелепость законов, регулирующих правовое положение феллаха, совершенно не учитывающих условий его жизни и не понятных самому феллаху» [3, с. 336].

Нет в повести гимна Родине, её возрождению к новой жизни благодаря воле, мужеству и энергии народа. Он ещё не осознал себя как решающую силу в общественном развитии. Писатель словно перелистывает не просто страницы «дела», а трагическую летопись судьбы народа – бесправного и униженного. И лишь немногие его представители имеют собственное мнение и смелость сопротивляться обстоятельствам.

Выводы

Таким образом, внутренний мир личности автора дневника раскрывается через записи, содержащие факты из жизни следователя, его размышления, воспоминания и др. Описываются события и отношение к ним, даётся оценка разговорам и поступкам людей, с которыми следователь сталкивался во время расследования преступления. Десять дней в дневниковых записях, разомкнутые в пространстве рассуждениями о народе, отличаются объективностью, беспристрастностью в оценке себя и происходящего вокруг. Дневник «структурирован» расследованием убийства, другими «делами» автора-следователя. В то же время здесь и текущие события, и воспоминания, и глубокие размышления о характере происходящих в общественной жизни перемен.

Список источников

1. Бадран Ахмад. Роман Тауфика аль-Хакима «Возвращение духа» в оценке египетской литературной критики второй половины XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика. 1933. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-taufika-al-hakima-vozvraschenie-duha-1933-i-otsenke-egipetskoy-litera> (дата обращения: 24.07.2025).
2. Вьолле К., Гречаная Е.П. Дневник в России в конце XVIII – первой половине XIX в. как автобиографическое пространство // Известия АН. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61. № 3. С. 30.
3. Кирпиченко В.Н., Сафонов В.В. История египетской литературы XIX-XX веков: в 2 т. Литература второй половины XX в. М.: Восточная литература, 2003. Т. 2. 270 с.
4. Салханова Ж.Х., Унбекова А.С. Дневник как литературный жанр // Неофициология. 2020. Т. 6. № 22. С. 368 – 376.
5. Солганик Г.Я. Стилистика текста. М.: Флинта, 2006. С. 36.
6. Михеев М.Ю. Александр Гладков. Дневник. 1975 год. М.: Нева, 2001. № 5. С. 163.
7. Рейнгольд А.С. Жанровые особенности литературного дневника и дневник как нелитературный текст // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкоизнание. Культурология. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-literaturnogo-dnevnika-i-dnevnik-kak-neliteraturnyy-tekst-1> (дата обращения: 23.08.2025).
8. Тауфик аль-Хаким. Записки провинциального следователя: Повесть / пер. с араб. А. Городецкой, Н. Усманова. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. 135 с.

9. Усманов Н. Предисловие // Тауфик аль-Хаким. Записки провинциального следователя: Повесть / пер. с араб. А. Городецкой, Н. Усманова. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. С. 3 – 10.

10. Юнусов К.О. Драматург-философ в жанре новеллы: Предисловие // Тауфик аль-Хаким. Лотерея. Рассказы и драматические сценки / пер. с араб., сост. и вступ. К.О. Юнусова. М.: Гл. редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1983. С. 3 – 10.

References

1. Badran Ahmad. Tawfiq al-Hakim's novel "The Return of the Spirit" in the assessment of Egyptian literary criticism of the second half of the 20th century. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary studies, journalism. 1933. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-taufika-al-hakima-vozvraschenie-duha-1933-i-otsenke-egipetskoy-litera> (date of access: 24.07.2025).
2. Violle K., Grechanaya E.P. Diary in Russia in the late 18th – first half of the 19th century as an autobiographical space. Izvestia of the Academy of Sciences. Series of Literature and Language. 2002. Vol. 61. No. 3. 30 p.
3. Kirpichenko V.N., Safronov V.V. History of Egyptian Literature of the 19th-20th Centuries: in 2 vol. Literature of the Second Half of the 20th Century. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. Vol. 2. 270 p.
4. Salkhanova Zh.Kh., Unebekova A.S. Diary as a Literary Genre. Neofilologiya. 2020. Vol. 6. No. 22. P. 368 – 376.
5. Solganik G.Ya. Text Stylistics. Moscow: Flinta, 2006. 36 p.
6. Mikheev M.Yu. Alexander Gladkov. Diary. 1975. Moscow: Neva, 2001, No. 5, p. 163.
7. Reingold A.S. "Genre Features of the Literary Diary and the Diary as a Non-Literary Text." Vestnik RSUH. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-osobennosti-literaturnogo-dnevnika-i-dnevnik-kak-neliteraturnyy-tekst-1> (date of access: 24.08.2025).
8. Tawfiq al-Hakim. Notes of a Provincial Investigator: A Novel. Translated from Arabic by A. Gorodetskaya, N. Usmanova. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1959. 135 p.
9. Usmanov N. Preface. Tawfiq al-Hakim. Notes of a Provincial Investigator: A Novel. Translated from Arabic by A. Gorodetskaya, N. Usmanova. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1959. P. 3 – 10.
10. Yunusov K.O. A Playwright-Philosopher in the Novella Genre: Preface. Tawfiq al-Hakim. The Lottery. Stories and Dramatic Scenes. Translated from Arabic, compiled and introduced by K.O. Yunusova. Moscow: Chief Editor of Eastern Literature, Nauka Publishing House, 1983. P. 3 – 10.

Информация об авторах

Гаджимурадова Т.Э., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, taiba1970@mail.ru

Муртазалиева Б.М., Дагестанский государственный университет, murtazalieva.bariya@mail.ru

© Гаджимурадова Т.Э., Муртазалиева Б.М., 2025